

Цзи Сы оставалась бесстрашной, а в конце даже слегка тронула губы в улыбке — словно речь шла о чём-то, к ней не относящемся.

Сун Вэньчжоу, увидев выражение лица Цинь Цзюнь, тут же почувствовал, что наговорил лишнего, и пробормотал: «Пр-принцесса, подданный... подданный тоже ничего не может поделывать, просто... едва появилась зацепка, сразу захотел доложить...»

«Ступай», — Цинь Цзюнь провела рукой по лбу. «Не надо так, я же тебя не съем».

Сун Вэньчжоу тут же закивал, засуетился и ретировался.

Цинь Цзюнь взглянула на Цзи Сы: «А ты не спросишь?»

Цзи Сы, видя, что совсем стемнело, принялась помогать Цинь Цзюнь раздеться. «Мне это не нужно. Лекарство того слепого врача сильно прибавило моих сил, но, начав его принимать, уже не остановиться. Обычный снежный лотос пользы не принесёт. Разве что лотос столетний и старше — одна такая ветвь целое состояние стоит, да ещё и есть его надо постоянно. Будь ты хоть самым богатым купцом, всего состояния не хватит, чтобы такое снадобье купить».

Цинь Цзюнь: «... Если знала, что есть способ облегчить действие ледяного яда, почему не сказала раньше?»

Цзи Сы посмотрела на неё: «Служанка полагает, о недостижимом думать — одно расстройство, лишь лишние печали на себя навлекать».

Цинь Цзюнь взобралась на лежанку, завернулась в одеяло и, повернувшись к Цзи Сы спиной, вдруг спросила: «Ты раньше... тоже, как они, в клетке висела... да?»

Цзи Сы бесстрастно ответила: «В те годы служанка ничем от них не отличалась».

«А ненавидишь их?» — глухо спросила Цинь Цзюнь.

Цзи Сы мягко улыбнулась, поправила уголок одеяла у Цинь Цзюнь, обнажив её раскрасневшееся лицо и глаза, полные слёз, и тихо молвила: «Не ненавижу. Слишком давно было, все те страдания уже прошли».

Цинь Цзюнь беспорядочно кивнула, постепенно ощущая, как её одолевает дремота. «Я...»

Цзи Сы: «Спите. Сегодня ночью Цзиньсю дежурит».

Цинь Цзюнь кивнула, сознание её затуманилось, и она закрыла глаза, погружаясь в сон.

Цзи Сы какое-то время смотрела на неё, затем согнула палец, стёрла влажный след с уголка глаза Цинь Цзюнь, поднесла палец к глазам, внимательно разглядывая, и вдруг высунула розовый кончик языка, лизнув его.

«Солёные?» — равнодушно произнесла она.

«Благовония для успокоения духа жегли?» — Цзиньсю вошла с водой и спросила Цзи Сы.

Цзи Сы кивнула, поднялась, проведя рукой по юбке. «Тебе смена».

Цзиньсю настороженно переспросила: «Ты куда?»

Цзи Сы: «Устала. Пойду отдохну».

Цзиньсю смотрела на неё, хмурясь: «Не засиживайся допоздна. Завтра с утра, распродав оставшиеся пять телег товара, немедленно покинем Яньбянь. Это место ещё и людьми как скотом торгует, знать бы раньше — не позволила бы принцессе сюда идти».

Цзи Сы улыбнулась: «Верно».

Цзиньсю с досадой сказала: «Ты при принцессе служишь, не будь как я, во всём ей потакающая... Ладно, мы и есть служанки, потакать ей и баловать — наша обязанность...»

Цзи Сы: «Верно».

Цзиньсю покосилась на неё: «Что сегодня не пререкаешься?»

Цзи Сы улыбнулась: «Закончила?»

Цзиньсю: «...»

«Я пошла». Цзи Сы закрыла за собой дверь.

Глубокой ночью Цзи Сы бесшумно приоткрыла окно, спрыгнула вниз и растворилась в ночи.

За городом костры хужэней догорали. Дрова потрескивали, искры падали на лужу пролитого вина, вспыхивали — и тут же гасли на ветру.

Хужэни, видимо, считали, что заключили выгодную сделку. Оставив нескольких в городе присматривать за «человеческим скотом» и исполнять распоряжения Цинь Цзюнь, остальные вернулись в шатры и устроили пир — ели мясо большими кусками, пили вино большими чарками, празднуя, а теперь все мертвецки пьяные лежали.

Те, что оставались на ночную стражу, выпили меньше. Когда на них упала тень, они сразу очнулись. Открыв глаза, они увидели край сине-белой юбки, слегка удивились, подняли взгляд — тонкая талия, ещё выше — чёрные, словно водопад, волосы, небрежно собранные в пучок одной шпилькой. Цзи Сы стояла вполборота, являя миру свой божественный профиль.

Хужэнь, сознание его затуманено, вдруг благоговейно опустился на колени и начал кланяться Цзи Сы: «...Богиня Лазурного Светлого Озера, молю, защити меня, раба своего. Я всё тебе принесу в жертву».

Лазурное Светлое Озеро — материнское озеро хужэней, что среди бескрайних жёлтых песков за Стеной вскормило десятки тысяч их соплеменников. Среди народа ходят предания: богиня Светлого Озера — божество необычайной доброты, обладающее божественной красотой и неприкосновенной чистотой. Никто не смеет осквернить богиню, узрев же — падают ниц, почитая как родную мать.

«Всё принесешь в жертву?» — Цзи Сы опустила взгляд, косясь на него. «Тогда умри».

Хужэнь опешил, не успев опомниться, как почувствовал на шее ледяной холод. Острый, как бритва, клинок скользнул по горлу — кровь хлынула ручьём.

«Богиня...» — Тук. Хужэнь рухнул, задев кувшин с вином, раздался грохот.

Остальные хужэни поодиночке начали просыпаться, с изумлением уставившись на Цзи Сы.

Цзи Сы: «Я пришла за подвеской».

Ночь была глубока, откуда-то донёлся волчий вой, заглушив предсмертные стоны хужэней.

Цинь Цзюнь, обняв одеяло, потерлась о него щекой, перевернулась во сне — лицо её было безмятежным.

На следующий день.

Подручные торговца скотом привели в гостиницу группу людей, скованных цепями, чтобы получить остаток суммы. Они залопотали на своём языке с хозяином. Тот, ханьец, проживший в Яньбяне несколько лет, кое-как понимал язык хужэней, но общаться всё равно было трудно, и лицо его почернело.

«Что? Такого роста, — хозяин показал рукой на уровень своей груди, — да ещё и женщина?»

Подбежавший слуга подслушал. «В гостинице таких нет. Только один невысокий молодой господин. Может, он?»

Хужэнь тоже знал несколько слов по-ханьски, услышал «мужчина» и принялся мотать головой, чуть не подравшись с хозяином и слугой.

Слуга поднялся наверх постучаться, вернулся с докладом хозяину: «Не отзываются. На заднем дворе ящиков тоже нет. Похоже, по делам ушли?»

Хозяин подозвал конторщика. «Вот напасть. Отведи его во внутренний двор, вели дворникам присмотреть за ним, поднеси кувшин вина — и подмешай мэнханья».

Конторщик кивнул, уже собрался заговорить, как у входа возникла Цзи Сы, плавно ступая в своих юбках, и равнодушно проговорила: «Пришли за остатком суммы?»

Хозяин и прочие остолбенели. Хужэнь же, увидев Цзи Сы, оживился, начал жестикулировать, показывая ей на два с лишним десятка человек, стоящих в главном зале.

Цзи Сы кивнула: «За мной».

С другой стороны, Цинь Цзюнь отложила складной веер, уселась на стул, подняла чашку с грубым чаем, отхлебнула — и брови её едва заметно дрогнули. Она отставила чашку и любезно улыбнулась сидящему напротив крепко сбитому богатырю.

Цзиньсю бесстрастно произнесла: «Господин говорит — чай неважный».

Цинь Цзюнь: «...»

Богатыря звали Ху Хэлэй. Сегодня утром он через человека прислал приглашение, прося Цинь Цзюнь пожаловать к нему в дом для беседы — дескать, оставшиеся пять телег товара ему нужны. Рядом с Ху Хэлэем стоял ханьский переводчик, который с явным пренебрежением перевёл слова Цзиньсю.

Ху Хэлэй был одет лишь в звериные шкуры, кожа его смугла, на мочках ушей и крыльях носа — кольца. Услышав перевод, он громко рассмеялся и что-то быстро затараторил стоящему рядом ханьцу.

Тот переводчик снова перевёл Цинь Цзюнь: «Молодому господин непривычно — дело обычное. Чай в Яньбяне — это всё то, от чего в Центральных равнинах отказались, старые ветки, что с чайных деревьев срезают, грубые, словно отруби, не разваришь, не размельчишь. А за Стеной — большая ценность».

Цинь Цзюнь поставила чашку, взяла со стола веер и с изяществом раскрыла его, давая понять Ху Хэлэю — хватит, нечего раздувать.

«А то, что мы пьём, ещё ничего, сойдёт. А вот простой народ ху за Стеной — те одну заварку по несколько раз используют, от тёмно-зелёного до светло-бирюзового цвета допивают. Цыц, — он причмокнул, — даже наш уже отпитый чай соберут, высушат, ещё раз обжарят — и снова продать можно». Ху Хэлэй говорил самодовольно.

Цинь Цзюнь приподняла бровь, не успев среагировать, как услышала, как Цзиньсю произносит: «Барыга».

«...»

Переводчик что-то залопотал, растянув два слова в целую фразу, — явно приукрашивая.

Цинь Цзюнь: «...»

Лицо Ху Хэлэя потемнело, он сдержался, не дав воли гневу, с силой поставил чашку на стол и поднялся.

Переводчик: «В таком случае, взглянем на товар господина».

Цинь Цзюнь тоже поднялась. Вчетвером они вышли во внутренний двор. Пять телег с товаром уже были распакованы: полторы телеги шёлковых тканей, полтелеги соли, одна телега чая среднего сорта, остальное — всякая мелочь: детские погремушки, тигровые туфельки, маски, снаряды для игры «бросание стрел в вазу», а также румяна, белила и прочие дамские безделушки; ещё полтелеги обычных лекарственных трав от простуды и подобных хворей.

Ху Хэлэй прищурился, похаживал вокруг товара, кивая.

Цзиньсю: «Только на золото или серебро».

Переводчик и Ху Хэлэй разом уставились на Цзиньсю.

Ху Хэлэй презрительно фыркнул и, картавя, выдавил на ломаном ханском: «Служанка и говорить вместо господина своего может?»

Цинь Цзюнь посмотрела на Цзиньсю, и та сказала: «Мой господин впервые занялся торговлей, прибыл в Яньбянь, чтобы разузнать о ценах на товары».

Цинь Цзюнь улыбнулась, знаком веля Цзиньсю не вмешиваться, достала из рукава документ и протянула ханцу, служившему переводчиком при Ху Хэлэе.